Гуманитарлық ғылымдар мен өнер
Гуманитарные науки и искусство
Humanities and Arts

МРНТИ: 10.27.51 https://doi.org/10.65247/3105-3432-2026-2.12

ДОГОВОР БЕЗ ПОСЛЕДСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

*[1]И.Н.КАИРБЕКОВА, [1]С.М.ИМАНБАЕВ
[1]Международный университет Астана
(Астана, Казахстан)
*dadafashka30@gmail.com, Esirkep24@gmail.com

Аннотация
Статья посвящена исследованию ключевой проблемы современного гражданского права Республики Казахстан - феномену «договора без последствий», возникающему в результате применения норм о недействительности сделок и их последствиях. Анализируется классическая модель двусторонней реституции, закрепленная в Гражданском кодексе РК, в рамках которой недействительная сделка признается не влекущей юридических последствий, а полученное по ней подлежит возврату. Доказывается, что догматическое применение данной модели, ориентированной на абстрактное восстановление первоначального положения сторон, в условиях современного имущественного оборота порождает системные противоречия, препятствующие эффективной реализации гражданских прав. Установлено, что институт «договора без последствий» на практике нередко вступает в коллизию с принципом добросовестности, не обеспечивает надлежащей защиты прав добросовестных приобретателей и участников коммерческих отношений, а также создаёт легальные возможности для злоупотребления правом, позволяя сторонам уклоняться от исполнения экономически невыгодных, но уже частично или полностью реализованных договоров. В работе проводится сравнительно-правовой анализ альтернативных подходов к определению последствий недействительности сделок, сложившихся в зарубежных правопорядках. На этой основе обосновывается необходимость концептуального реформирования соответствующего института в казахстанском праве - перехода от формальной модели аннулирования («договор без последствий») к материальной модели, базирующейся на принципах восстановительной и балансирующей справедливости, пропорциональности и приоритетной защиты добросовестного поведения. Сформулированы конкретные рекомендации по изменению законодательства и правоприменительной практики, направленные на преодоление проблемы «договора без последствий», повышение предсказуемости и стабильности гражданского оборота, а также обеспечение беспрепятственной реализации гражданских прав.
Ключевые слова: недействительность сделки, договор без последствий, двусторонняя реституция, последствия недействительности, принцип добросовестности, злоупотребление правом, добросовестный приобретатель, гражданский оборот, защита гражданских прав, реформа гражданского права, Гражданский кодекс Республики Казахстан.

Введение

В гражданском праве Республики Казахстан механизм признания сделки недействительной и двустороннего возврата всего полученного давно считается классическим инструментом восстановления справедливости. Нормы статей 157 и 159 Гражданского кодекса РК, закрепляющие модель так называемого «договора без последствий», формально направлены на то, чтобы вернуть стороны в положение, существовавшее до совершения сделки [ГК РК, 1994]. Однако в условиях современного динамичного экономического оборота догматическое применение этого института все чаще приводит к результатам, прямо противоположным его изначальной цели. Вместо обеспечения правопорядка и защиты нарушенных прав, жесткий императив реституции порождает правовую неопределенность, создает условия для судебного усмотрения при оценке убытков и, что наиболее проблематично, систематически игнорирует

принцип добросовестности. Эта ситуация ставит под сомнение эффективность и справедливость традиционной конструкции, превращая ее из гаранта стабильности в источник рисков для участников гражданского оборота.

Практика показывает, что институт недействительности зачастую работает против тех, кого призван защищать. Добросовестные приобретатели имущества по недействительной сделке оказываются в уязвимом положении, лишаясь переданного им имущества без адекватной компенсации. Возврат полученного в натуре зачастую оказывается невозможным из-за потребления, переработки или реализации имущества, что приводит к сложным и спорным расчетам денежной компенсации. Но главной дисфункцией становится активное использование этого механизма недобросовестными сторонами. В ситуации, когда рыночные условия изменились и исполнение договора стало экономически невыгодным, одной из сторон оказывается проще инициировать оспаривание сделки по формальным основаниям, чтобы аннулировать уже начатые или даже завершенные обязательства под предлогом возврата к исходному состоянию. Это не только подрывает стабильность договорных отношений, но и прямо противоречит самой сути договора как акта автономии воли, создающего для сторон устойчивые правовые последствия [Чеговадзе Л.А., 2023]. В казахстанском праве нормативное закрепление принципа добросовестности содержится в пункте 2 статьи 5 ГК РК (Общая часть), где закрепляется обязанность участников гражданского оборота действовать добросовестно, разумно и справедливо, причем данная обязанность не может быть исключена или ограничена договором [Кайназарова Д.Б., 2025].В казахстанской юридической литературе обращается внимание на то, что закрепление принципа добросовестности в ГК РК носит во многом рамочный характер, а его реальное содержание в значительной степени формируется судебной практикой, которая уточняет пределы и способы применения этого принципа. В контексте проблемы «договора без последствий» указанное обстоятельство приобретает ключевое значение: именно судебная практика призвана ограничить формальное применение двусторонней реституции в случаях, когда аннулирование сделки противоречит добросовестному поведению сторон, однако отсутствие единообразных подходов, как показано в настоящем исследовании, порождает правовую неопределенность и злоупотребления.

Проблема не является исключительно казахстанской. В других правопорядках, включая Российскую Федерацию, а также в рамках международных документов, таких как Принципы УНИДРУА, уже давно ведутся дискуссии о необходимости преодоления формализма в вопросах последствий недействительности. Современные подходы смещаются в сторону более гибких и справедливых решений: вместо автоматического аннулирования всех последствий предлагается учитывать конкретные обстоятельства дела, степень вины и добросовестности сторон, принцип пропорциональности и необходимость защиты интересов третьих лиц [Принципы УНИДРУА, 2010; ПП ВС РФ, 2018]. Эти тенденции указывают на общий вектор развития права - от ригористичного восстановления status quo ante к материальному восстановлению справедливости с учетом всех обстоятельств сложившейся ситуации.

Таким образом, сложился явный разрыв между закрепленной в законе классической моделью «договора без последствий» и реалиями современного гражданского оборота, который требует предсказуемости, защиты разумных ожиданий и эффективных механизмов ответственности за недобросовестное поведение. Настоящая статья направлена на анализ этого противоречия через призму конкретных проблем правоприменения в Казахстане, изучение дисфункций, порождаемых действующим регулированием, и рассмотрение возможных путей реформирования института недействительности сделок на основе сравнительно-правового опыта и современных доктринальных подходов.

Основная часть

Классическая цивилистическая конструкция недействительной сделки как «договора без

последствий», закрепленная в статьях 157 и 159 Гражданского кодекса Республики Казахстан, предполагает ее абсолютное аннулирование с обратным силой действием и взаимную реституцию в качестве универсального императивного последствия. Однако догматическая реализация данного принципа на практике вступает в системное и глубокое противоречие с самими основами реализации и защиты субъективных гражданских прав, превращая охранительный институт в источник правовой неопределенности и инструмент нарушения интересов добросовестных участников оборота. Проблема носит не частный, а системный характер, затрагивающий фундаментальные принципы справедливости, стабильности и добросовестности. В научном дискурсе первое фундаментальное противоречие возникает между формальным правом на реституцию и материальным принципом защиты добросовестности. Абсолютизация требования о возврате всего полученного по недействительной сделке, осуществляемая без учета поведения и правового статуса сторон, влечёт за собой существенные нарушения принципа справедливости. Добросовестный приобретатель имущества, вовлеченный в длинную цепочку возмездных сделок, при признании недействительным первоначального договора оказывается незащищенным. Его право собственности, возникшее из сложной совокупности юридических фактов, аннигилируется, а сам он низводится до положения обычного кредитора по обязательству из неосновательного обогащения к своему непосредственному, часто несостоятельному, контрагенту. В научном изложении подобная конструкция означает, что реализация права на виндикацию либо реституцию со стороны первоначального отчуждателя - действовавшего недобросовестно или, по крайней мере, без должной осмотрительности - осуществляется за счет существенного ущемления прав лица, проявившего разумность и осмотрительность и обоснованно полагавшегося на юридическую безупречность предшествующих переходов права. Как показывает анализ законодательства и судебной практики Азербайджанской Республики, аналогичные коллизии в этом правопорядке разрешаются путем приоритетной защиты принципа добросовестности над формальным аннулированием сделки [Talibova L., 2024]. В частности, Конституционный суд Азербайджана в решении от 26 апреля 2023 года прямо указал, что ссылка на недействительность договора не может быть признана добросовестной, если сторона изначально знала о его фактических условиях и лишь впоследствии, при изменении экономической конъюнктуры, пытается использовать формальные дефекты для выхода из обязательств [Talibova L., 2024].

Как отмечает ведущий цивилист М.К.Сулейменов, данная ситуация является симптомом глубокой теоретической проблемы: «слепое следование реституции может служить покрытием для недобросовестных действий» [Сулейменов М.К., 2019]. Это не только дискредитирует принцип estoppel (запрета противоречить своему прежнему поведению), но и подрывает базовое доверие к гражданскому обороту, делая реализацию прав на приобретение имущества высокорискованной, особенно в секторах с длинными цепочками контрагентов, таких как недвижимость или торговля.

Второй фундаментальной проблемой реализации прав в контексте недействительности является фиктивность и неопределенность самого механизма «восстановления первоначального положения». Статья 159 ГК РК, предписывая возврат в натуре, игнорирует экономическую и физическую реальность исполненных, длящихся или преобразующих сделок. В договорах подряда на строительство или реконструкцию, в сложных соглашениях о совместной деятельности, франшизе или лицензионных договорах, где результат интегрирован, потреблен или принципиально изменен, возврат *in natura* является юридической фикцией. Суды вынуждены прибегать к денежной компенсации, однако ГК РК оставляет в полнейшей тайне критерии оценки такой компенсации. Отсутствие законодательно установленных критериев (определение стоимости имущества: на момент его передачи по недействительной сделке либо на момент вынесения судебного решения; учёт либо игнорирование инфляции, амортизационных отчислений, капитальных вложений и неотделимых улучшений, а также упущенной выгоды, извлечённой из пользования

имуществом) порождает чрезмерно широкие пределы судебного усмотрения, что ведёт к неединообразию правоприменительной практики. Как следствие, реализация права на справедливое судебное разбирательство и защиту нарушенного права (ст.9 ГК РК) ставится в прямую зависимость от субъективных взглядов конкретного судьи. Проведенный анализ судебной практики, включая практику специализированных экономических судов, свидетельствует об отсутствии единообразного и последовательного подхода к разрешению рассматриваемой категории споров, что обусловливает неопределенность правоприменительной практики, порождает непредсказуемость судебных решений и создает существенные риски для осуществления долгосрочных инвестиций [Балгабаева С.А., 2021].Таким образом, право стороны на восстановление её имущественной сферы реализуется через крайне несовершенный и произвольный механизм, что само по себе является нарушением принципа правовой определенности.

Наиболее деструктивным для всей системы договорных правоотношений является трансформация института недействительности из средства защиты публичного порядка и слабой стороны в инструмент стратегического недобросовестного поведения. Широкие формальные основания недействительности сделок, в частности предусмотренные ст.159 Гражданского кодекса Республики Казахстан (несоответствие требованиям закона), используются контрагентами в качестве инструмента воспрепятствования исполнению договоров, фактически реализованных сторонами, но утративших экономическую целесообразность вследствие изменения рыночной конъюнктуры. Выявление стороной даже незначительных процедурных нарушений (отсутствие второго подписанта, несоблюдение установленной формы согласования) выступает основанием для обращения с иском о признании сделки недействительной, при этом целью такого обращения является не восстановление нарушенного права, а легитимное освобождение от обременительных обязательств. Правоприменительная практика, зачастую ориентированная на формально-догматический, а не ценностно-ориентированный подход, удовлетворяет такие требования, руководствуясь ст.159 ГК РК. В результате, принцип *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться), являющийся краеугольным камнем договорного права, приносится в жертву формализму. В результате формируется деструктивная модель правового поведения, при которой для участника гражданского оборота приоритетное значение приобретает поиск формальных дефектов сделки, тогда как надлежащее исполнение обязательств либо добросовестное урегулирование разногласий путем переговоров об изменении или расторжении договора утрачивают экономическую привлекательность. Подобная практика не только блокирует реализацию прав контрагента на надлежащее исполнение, но и дискредитирует саму идею договора как надежного инструмента экономического взаимодействия, о чем пишет Л.А.Чеговадзе, подчеркивая его роль как нормоустановительного источника [Чеговадзе Л.А., 2023].

Сравнительно-правовой анализ убедительно демонстрирует, что описанные проблемы не являются фатальными и преодолены в ряде развитых правопорядков через отказ от догмы «нулевого эффекта» в пользу гибкой системы балансировки интересов. Особенно показателен эволюционный путь российского права, стартовавшего с идентичных казахстанским положений ГК РФ [ГК РФ, 1994]. Судебная практика, возглавляемая Верховным Судом РФ, совершила значительный поворот. Во-первых, была кардинально усилена защита добросовестного приобретателя. В п.78 Постановления Пленума ВС РФ № 25 от 23.06.2015 г. закреплен принцип, согласно которому имущество не может быть истребовано от добросовестного приобретателя, если оно выбыло из владения собственника по его воле (например, по первоначальной сделке). Это прямое и решительное ограничение сферы действия реституции в её классическом понимании. Во-вторых, в п.80 того же постановления суду прямо предоставлено право определять последствия недействительности, в том числе взыскивать денежную компенсацию при невозможности возврата в натуре, руководствуясь принципами соразмерности и справедливого распределения убытков между сторонами

[Кагальницкова Н.В., Толстова О.С., 2020]. Это легализация компенсационной реституции и отход от автоматизма. В-третьих, принцип добросовестности и норма о запрете злоупотребления правом стали активными инструментами пресечения недобросовестного оспаривания сделок. Суды отказывают в удовлетворении исков, если установят, что истец действует вопреки доброй совести, даже при формальном наличии порока [Ерахтина О.С., 2023]. Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.2018 г. № 49 дополнительно укрепило этот подход, акцентировав значение фактических отношений сторон [ППВС РФ, 2018].

В зарубежных правопорядках реализуются еще более решительные правовые механизмы, направленные на разрешение рассматриваемой коллизии. Германское право, опираясь на принцип пропорциональности (*Verhältnismäßigkeitsprinzip*), требует, чтобы последствия недействительности строго соответствовали тяжести правонарушения и степени вины. Несущественное нарушение может повлечь не полное аннулирование, а лишь обязанность компенсировать причиненный ущерб, что защищает стабильность исполненных отношений. Англо-американская система, не знающая континентальной дихотомии ничтожности и оспоримости, построена вокруг гибкой доктрины *restitution* (восстановления), целью которой является не возврат конкретной вещи, а предотвращение неосновательного обогащения (*unjust enrichment*). Суд, обладая широкими дискреционными полномочиями, избирает форму защиты (денежную компенсацию, конструктивный траст и др.), наиболее справедливую в конкретных обстоятельствах, максимально учитывая поведение сторон. Эта философия отражена и в международных стандартах: Принципы УНИДРУА (ст.3.2.15) прямо предусматривают денежную компенсацию при невозможности реституции, а принцип добросовестности (ст.1.7) имеет императивный характер [Принципы УНИДРУА, 2010].

Таким образом, для обеспечения действительной, а не декларативной реализации гражданских прав в Казахстане требуется не косметическая корректировка, а глубокая реформа подходов к последствиям недействительности сделок. Первостепенным шагом должно стать внесение изменений в ст.157-1 ГК РК, закрепляющих оценочные критерии для суда: обязанность применять последствия недействительности с учетом принципов добросовестности (п.2 ст.5 ГК РК), соразмерности, вины сторон и необходимости защиты прав добросовестных третьих лиц, приобретших права по зависимым сделкам. Параллельно необходимо законодательно ввести институт приоритетной компенсационной реституции, установив, что при невозможности, чрезмерной обременительности или экономической нецелесообразности возврата в натуре суд вправе и обязан определить денежную компенсацию, размер которой должен быть направлен на сохранение законного экономического положения добросовестной стороны, включая понесенные затраты и инвестиции. Для борьбы со злоупотреблениями требуется дать расширительное толкование ст.161 ГК РК, позволяющее не только отказывать в иске о недействительности, но и взыскивать с недобросовестного истца все причиненные ответчику убытки (реальный ущерб и упущенную выгоду) в качестве санкции за abuse of rights. Наконец, назрела необходимость начать работу по дифференциации последствий в зависимости от природы нарушения: карательные последствия в виде взыскания в доход государства (ст.161 ГК РК) должны кардинально отличаться от восстановительных мер при оспаривании сделки по основанию заблуждения (п.8 ст.159 ГК РК). Только такой системный переход от догматической модели «договора без последствий» к ценностно-ориентированной модели «справедливого восстановления баланса интересов» позволит институту недействительности выполнять свою истинную охранительную функцию, не парализуя при этом реализацию субъективных гражданских прав и не разрушая основы доверия и стабильности в гражданском обороте.

Методология

Целью настоящего исследования является критический анализ действующей в Республике Казахстан модели последствий недействительности сделок, выявление ее системных дисфункций, препятствующих эффективной реализации гражданских прав, и разработка на этой основе концептуальных предложений по реформированию законодательства и

правоприменительной практики. Достижение поставленной цели обеспечивается применением комплекса взаимодополняющих общенаучных и частноправовых методов. Методологической основой служит догматико-юридический (формально-логический) метод, позволивший провести детальный анализ нормативного содержания статей 157-1 - 162 Гражданского кодекса РК [ГК РК, 1994] и выявить внутренние коллизии между принципом абсолютной реституции и другими началами гражданского права. Историко-правовой метод использовался для понимания генезиса и преемственности классической цивилистической доктрины «договора без последствий» в ее постсоветской интерпретации, с опорой на фундаментальные труды, включая работы Г.Ф.Шершеневича [Шершеневич Г.Ф., 2017]. Ключевое значение для эмпирической части исследования имеет метод анализа судебной практики, примененный для перехода от теоретической критики к документальному подтверждению конкретных правоприменительных проблем, таких как непоследовательность в определении размера денежной компенсации и злоупотребление институтом недействительности, что отражено в исследованиях казахстанских авторов [Балгабаева С.А., 2021; Бусакова Ф., Сагынбекова Г.М., 2024]. Сравнительно-правовой метод (компаративистский анализ) был задействован для поиска альтернативных моделей и обоснования путей реформы. В рамках данного метода проведено многоаспектное сравнение: с правом Российской Федерации как наиболее релевантным в силу общей правовой традиции, где особое внимание уделено эволюционному толкованию норм ГК РФ в актах Верховного Суда РФ, в частности, в Постановлениях Пленума № 25 от 23.06.2015 г. и № 49 от 25.12.2018г. [ПП ВС РФ, 2018]; с континентальным (германским) правом, основанным на принципе пропорциональности; с англо-американской доктриной restitution; а также с международными стандартами, закрепленными в Принципах УНИДРУА [Принципы УНИДРУА, 2010].

Системный и структурно-функциональный методы позволили рассмотреть институт недействительности не изолированно, а как элемент целостной системы гражданско-правового регулирования, оценив его взаимодействие и конфликт с институтами защиты добросовестного приобретателя, неосновательного обогащения и нормами о злоупотреблении правом (ст.8, 10 ГК РК).

Теоретической базой исследования послужили научные работы ведущих цивилистов, в том числе М.К.Сулейменова [Сулейменов М.К., 2008; 2019], Л.А.Чеговадзе [Чеговадзе Л.А., 2023], О.С.Ерахтиной [Ерахтина О.С., 2023], А.Г.Диденко [Диденко А.Г., 2019] и других авторов, что обеспечило концептуальную глубину анализа. Логические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) применялись на всех этапах для перехода от анализа конкретных казусов к синтезу общих выводов и формулированию конкретных законодательных предложений. Совокупное применение указанных методов формирует надежную основу для диагностики системных проблем и разработки научно обоснованных рекомендаций, направленных на гармонизацию института недействительности сделок с фундаментальными принципами современного частного права.

Результаты

В рамках проведенного исследования представляется возможным заключить, что догматическое применение в правопорядке Республики Казахстан классической модели недействительности сделки, квалифицирующей такую сделку как не влекущую юридических последствий с обязательным применением двусторонней реституции (ст.ст.157-1, 159 Гражданского кодекса Республики Казахстан), порождает системные дисфункции, выражающиеся в нарушении баланса интересов участников гражданского оборота и препятствующие эффективной реализации субъективных гражданских прав. Центральным результатом является выявление фундаментального противоречия между формальным механизмом реституции и материальным принципом защиты добросовестности. Установлено, что абсолютное право на возврат полученного, игнорирующее субъективный статус сторон, превращает институт недействительности в инструмент перераспределения рисков от недобросовестного первоначального отчуждателя к добросовестному последующему

приобретателю, что полностью девальвирует принцип estoppel и подрывает доверие к гражданскому обороту, как справедливо отмечает М.К.Сулейменов [Сулейменов М.К., 2019].

Вторым ключевым результатом является доказательство фиктивности и высокой степени правовой неопределенности, присущих самому механизму «восстановления первоначального положения» по ст.159 ГК РК. В отношении исполненных, длящихся или инвестиционных сделок возврат in natura является юридической фикцией, а применяемая судами денежная компенсация, в силу отсутствия законодательных критериев её расчета, определяется произвольно, что нарушает принцип правовой определенности и право на справедливую судебную защиту. Проведенный анализ правоприменительной практики свидетельствует об отсутствии единообразных подходов к осуществлению соответствующей оценки [Балгабаева С.А., 2021]. Третьим значимым выводом выступает квалификация института недействительности сделок в его действующей модели в качестве легитимного инструментария, опосредующего недобросовестное стратегическое поведение участников гражданского оборота. Широкие формальные основания, особенно ст.159 ГК РК, используются сторонами для ухода от экономически невыгодных, но заведомо исполненных договорных обязательств, что приводит к судебным решениям, поощряющим злоупотребление правом и попирающим принцип pacta sunt servanda, являющийся основой договорного права [Чеговадзе Л.А., 2023].

Сравнительно-правовой анализ, в свою очередь, дал результат, демонстрирующий наличие и эффективность альтернативных подходов. В частности, выявлена успешная эволюция российского права, где правоприменительная практика (Постановления Пленума ВС РФ № 25, № 49) существенно ограничила сферу реституции в защиту добросовестного приобретателя, узаконила компенсационную реституцию на началах справедливости и стала использовать принцип добросовестности для пресечения недобросовестных исков [Кагальницкова Н.В., Толстова О.С., 2020; Ерахтина О.С., 2023]. Опыт зарубежных правопорядков (германский принцип пропорциональности, англо-американская доктрина restitution, Принципы УНИДРУА) подтверждает, что отказ от автоматического «обнуления» в пользу гибкого, соразмерного и ориентированного на недопущение неосновательного обогащения подхода является современным стандартом [Принципы УНИДРУА, 2010]. Синтез указанных результатов позволяет сформировать итоговый вывод: для обеспечения действительной реализации гражданских прав казахстанское законодательство нуждается в концептуальном пересмотре последствий недействительности сделок. Это требует прямой легализации принципов добросовестности и пропорциональности при применении ст.159 ГК РК, введения приоритета компенсационной реституции с четкими критериями оценки, усиления санкций за злоупотребление правом на оспаривание и дифференциации последствий в зависимости от природы порока сделки. Без такой реформы институт недействительности будет оставаться источником правового произвола и системной угрозой для стабильности гражданского оборота в Республике Казахстан.

Дискуссия

Результаты проведенного исследования актуализируют ряд фундаментальных и острых дискуссионных вопросов, находящихся на пересечении догмы гражданского права, философии права и экономического анализа права. Первый и центральный дискуссионный узел касается самой природы и цели института недействительности сделок в современном правопорядке. Традиционная доктрина, восходящая к классическим воззрениям, отраженным в трудах Г.Ф.Шершеневича, видит в недействительности прежде всего охранительный инструмент публичного порядка, карающую санкцию за отклонение от предписанной законом модели поведения [Шершеневич Г.Ф., 2017]. В этой парадигме двусторонняя реституция выполняет роль «обнуления» противоправного состояния, восстановления статус-кво, где вопросы справедливости в отношении отдельных участников отступают на второй план перед задачей очищения оборота от порочных элементов. Однако выявленные в статье дисфункции ставят под сомнение состоятельность такой цели в ее чистом виде. Современная дискуссия,

отраженная в трудах Л.А.Чеговадзе о договоре как нормоустановительном источнике, смещает акцент в сторону частноправовых, компенсационных начал [Чеговадзе Л.А., 2023]. Возникает дискуссионный вопрос: должен ли институт недействительности в XXI веке оставаться преимущественно карательным и восстановительным в абстрактном смысле или эволюционировать в инструмент восстановления *справедливого баланса интересов* конкретных сторон, включая добросовестных третьих лиц? Наши выводы однозначно поддерживают вторую позицию, аргументируя это тем, что иначе институт порождает большую несправедливость, чем та, которую призван исправить, что резонирует с критикой М.К.Сулейменова [Сулейменов М.К., 2019]. Это формирует тезис о необходимости смены парадигмы: от охраны *закона* как абстрактной нормы к охране *правомерных ожиданий и интересов* добросовестных участников оборота.

Второй пласт дискуссии связан с конфликтом между принципом правовой определенности (формальной безопасности) и принципом справедливости (материальной справедливости) при применении последствий недействительности. Оппоненты предлагаемого гибкого, оценочного подхода могут справедливо утверждать, что введение категорий добросовестности, соразмерности и неосновательного обогащения в качестве критериев для реституции неизбежно повысит уровень судебного усмотрения и снизит предсказуемость судебных решений, что негативно скажется на обороте [Майорова Л.Г., 2021]. Этот аргумент, безусловно, имеет вес. Однако настоящее исследование позволяет вступить в эту дискуссию с контраргументом, основанным на анализе практики: *status quo* не обеспечивает подлинной правовой определенности. Определение «стоимости полученного» при невозможности реституции в натуре уже сегодня является полем ничем не ограниченного судейского усмотрения, что доказано анализом противоречивой судебной практики [Балгабаева С.А., 2021].

Таким образом, предмет научной дискуссии трансформируется из оппозиции «правовая определенность - справедливость» в оппозицию «дезорганизованная и непрозрачная неопределенность, с одной стороны, и структурированная, принципиально ограниченная неопределенность - с другой». Законодательное закрепление руководящих начал (добросовестность, пропорциональность, приоритет компенсации) и примерных критериев оценки не уничтожит усмотрение, а направит его в русло, предсказуемое для участников оборота, и легитимирует его, сдевя прозрачным. Это созвучно с современными тенденциями, отраженными в российских постановлениях высших судов [ПП ВС РФ, 2018] и Принципах УНИДРУА [Принципы УНИДРУА, 2010], где оценочные категории служат не источником произвола, а инструментом достижения индивидуализированного справедливого результата.

Особенно острой является дискуссия вокруг защиты добросовестного приобретателя и пределов действия реституции. Классическая конструкция, жестко связывающая судьбу вещи с пороком первоначального основания, вступает в прямой конфликт с теорией «динамической безопасности» оборота, требующей защиты того, кто вступил в отношения, полагаясь на внешнюю правомерность сложившейся ситуации. Наше исследование выявляет не просто теоретический, а глубоко практический тупик этой коллизии. Дискуссионным здесь является вопрос о точке невозврата, после которой интерес оборота и добросовестного приобретателя должен превзойти интерес первоначального собственника, лишившегося вещи по своей воле (пусть и через оспоримую сделку). Российский опыт (п.78 Постановления Пленума ВС РФ № 25) предлагает один ответ: такой точкой является добросовестное возмездное приобретение у лица, которое получило имущество от собственника. Применим ли этот подход в Казахстане безоговорочно? Дискуссия должна учитывать возможные злоупотребления, но отрицание самого принципа, как показывает работа, ведет к системной несправедливости. Следовательно, дискуссия смещается к поиску оптимальных процессуальных механизмов доказывания добросовестности и возмездности, а не к отрицанию необходимости такой защиты вообще.

Наконец, предложение о дифференциации последствий в зависимости от тяжести порока

открывает дискуссию о «градуированной недействительности». Противопоставление карательных последствий для сделок *contra bonos mores* (против добрых нравов) и восстановительных - для сделок с частными пороками воли требует пересмотра устоявшегося бинарного деления на ничтожные и оспоримые. Это глубокий методологический вызов традиционной системе. Дискуссия здесь должна вестись не только о конкретных санкциях (конфискация, односторонняя реституция, компенсация), но и о том, какие именно критерии (степень общественной опасности, форма вины, размер причиненного ущерба) должны определять выбор последствия. Ссылка на уже существующие специальные режимы, например, в законодательстве о недропользовании [Закон РК, 2005], показывает, что такая дифференциация не является чуждой казахстанскому праву, а лишь требует систематизации и распространения на общую часть обязательственного права. Таким образом, результаты исследования не только дают ответы, но и формулируют новые вопросы, задавая вектор для дальнейшей глубокой междисциплинарной дискуссии среди цивилистов, теоретиков права и правоприменителей о будущем одного из ключевых институтов гражданского права.

Заключение

Резюмируя результаты проведенного исследования, представляется возможным заключить, что для преодоления феномена «договора без последствий» необходимо доктринальное и законодательное признание договора полноценным индивидуальным юридическим актом, обладающим нормоустановительной силой. Реализация гражданских прав, возникающих из договора, подлежит защите на всех этапах его существования - от заключения до прекращения обязательств.

В целях обеспечения стабильности гражданского оборота предлагается отказаться от исключительного применения субъективного критерия исковой давности в пользу объективных пресекательных сроков, что позволит минимизировать риски злоупотребления правом. Особое внимание следует уделить ограничению произвольного вмешательства государства в частноправовые контракты: любые изъятия прав, осуществляемые по соображениям безопасности, должны сопровождаться процедурой национализации с предоставлением справедливого возмещения как реального ущерба, так и упущенной выгоды.

С теоретической точки зрения обосновывается необходимость реформирования базовых статей Гражданского кодекса Республики Казахстан (ст.7-9), предусматривающая закрепление в них не только права на осуществление законных интересов, но и безусловной обязанности исполнения обязательств в точном соответствии с условиями достигнутого соглашения. Указанные изменения позволят подчеркнуть, что договор выступает не просто предпосылкой возникновения обязательства, но его частным регулятивным источником, нормы которого являются обязательными как для сторон, так и для суда.

Только такой подход обеспечит беспрепятственную реализацию гражданских прав и трансформирует договор из формального документа в эффективный инструмент защиты частных интересов, преодолевая тем самым системную проблему «договора без последствий».

Список использованных источников

ГК РК (1994) *Гражданский кодекс Республики Казахстан*. Общая часть, 27 декабря [Электронный ресурс]: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (дата обращения: 16.01.2026).

Чеговадзе Л.А. (2023) Договор как нормоустановительный источник частного права. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 2(60), 12-13 [Электронный ресурс]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-kak-normoustanovitelnyy-istochnikchastnogo-prava (дата обращения: 26.01.2026).

Принципы УНИДРУА (2010) *Принципы международных коммерческих договоров* [Электронный ресурс]: URL: https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2010/ (дата обращения: 06.01.2026).

ПП ВС РФ (2018) О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: *Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации*, 25 декабря, 49 [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/ (дата обращения: 15.01.2026)

Сулейменов М.К. (2019) Современные проблемы гражданского права Казахстана и других постсоветских стран. *ИС Параграф* [Электронный ресурс]: URL: https://prg.kz/Document/?doc_id=38904918 (дата обращения: 26.01.2026).

Балгабаева С.А. (2021) Правовое регулирование договорных отношений: *учебное пособие*. Костанай, 86 [Электронный ресурс]: URL: https://ksu.edu.kz/files/TB/book/jur/up_pravovoe_regulirovanie_dogovornyh_otnoshenij2.pdf (дата обращения: 26.01.2026).

ГК РФ (1994) *Гражданский кодекс Российской Федерации*. Часть первая, 30 ноября, 51-ФЗ [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 16.01.2026).

Talibova L. (2024) The Purpose of the Principle of "Good Faith" in Civil Legislation and Judicial Practice of the Republic of Azerbaijan. *Baku State University Law Review*, 10(2), 4-8 [Электронный ресурс]: URL: https://bsulawreview.org/wp-content/uploads/2024/09/10BSULawRev2.2.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

Кайназарова Д.Б. (2025) Институт добросовестности в гражданском праве. *Вестник Академии правоохранительных органов*, 4(38), 65-66 [Электронный ресурс]: URL: https://vestnikacademy.kz/?p=3144&lang=ru (дата обращения: 02.04.2026).

Кагальницкова Н.В., Толстова О.С. (2020) Соглашения об устранении ответственности за нарушение договорного обязательства: сравнительный анализ правового регулирования и судебной практики. *Legal Concept* [Электронный ресурс]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soglasheniya-ob-ustranenii-otvetstvennosti-za-narushenie-dogovornogo-obyazatelstva-sravnitelnyy-analiz-pravovogo-regulirovaniya-i (дата обращения: 16.01.2026).

Ерахтина О.С. (2023) Договорное право: *Учебное пособие*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики [Электронный ресурс]: URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/847279258.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

Шершеневич Г.Ф. (2017) *Учебник русского гражданского права*. Избранное. Том 5, вступ. слово, сост. П.В.Крашенинников. Москва: Статут [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/shershenevich_gf_izbrannoe_t5/ (дата обращения: 05.01.2026).

Бусакова Ф., Сагынбекова Г.М. (2024) Договорные обязательства в Казахстане и их особенности в современном праве. *Вестник науки,* 3(72), 5, 3-5 [Электронный ресурс]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dogovornye-obyazatelstva-v-kazahstane-i-ih-osobennosti-dogovornyh-obyazatelstv-v-sovremennom-prave (дата обращения: 26.01.2026).

Сулейменов М.К. (2008) Договор в гражданском праве: проблемы теории и практики. *ИС Параграф* [Электронный ресурс]: URL: https://online.zakon.kz (дата обращения: 06.01.2026).

Диденко А.Г. (2019) *Избранное*. Сост. Е.В.Нестерова. Москва: Статут, 608 [Электронный ресурс]: URL: https://znanium.ru/catalog/document?id=352740 (дата обращения: 25.01.2026).

Майорова Л.Г. (2021) Правовые последствия нарушения договорного обязательства. *Юридическая наука*, 12, 33-38 [Электронный ресурс]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-posledstviya-narusheniya-dogovornogo-obyazatelstva (дата обращения: 26.01.2026)

Закон РК (2005) О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам недропользования и проведения нефтяных операций в Республике Казахстан: *Закон Республики Казахстан*, 14 октября, 79-III [Электронный ресурс]: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000079_ (дата обращения: 16.01.2026).

References

GK RK (1994) *Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan. Obshchaya chast'*, 27 dekabrya [Electronic resource]: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (date of access: 16.01.2026).

Chegovadze L.A. (2023) Dogovor kak normoustanovitel'nyj istochnik chastnogo prava. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2(60), 12-13 [Electronic resource]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-kak-normoustanovitelnyy-istochnik-chastnogo-prava (date of access: 26.01.2026).

Principy UNIDRUA (2010) *Principy mezhdunarodnyh kommercheskih dogovorov* [Electronic resource]: URL: https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2010/ (date of access: 06.01.2026).

PP VS RF (2018) O nekotoryh voprosah primeneniya obshchih polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o zaklyuchenii i tolkovanii dogovora: *Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii,* 25 dekabrya, 49 [Electronic resource]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/ (date of access: 15.01.2026)

Sulejmenov M.K. (2019) Sovremennye problemy grazhdanskogo prava Kazahstana i drugih postsovetskih stran. *IS Paragraf* [Electronic resource]: URL: https://prg.kz/Document/?doc_id=38904918 (date of access: 26.01.2026).

Balgabaeva S.A. (2021) Pravovoe regulirovanie dogovornyh otnoshenij: *uchebnoe posobie*. Kostanay, 86 [Electronic resource]: URL: https://ksu.edu.kz/files/TB/book/jur/up_pravovoe_regulirovanie_dogovornyh_otnoshenij2.pdf (date of access: 26.01.2026).

GK RF (1994) *Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast' pervaya*, 30 noyabrya, 51-FZ [Electronic resource]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: 16.01.2026).

Kagal'nickova N.V., Tolstova O.S. (2020) Soglasheniya ob ustranenii otvetstvennosti za narushenie dogovornogo obyazatel'stva: sravnitel'nyj analiz pravovogo regulirovaniya i sudebnoj praktiki. *Legal Concept* [Electronic resource]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soglasheniya-ob-ustranenii-otvetstvennosti-za-narushenie-dogovornogo-obyazatelstva-sravnitelnyy-analiz-pravovogo-regulirovaniya-i (date of access: 16.01.2026).

Erahtina O.S. (2023) Dogovornoe pravo: *Uchebnoe posobie*. Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki [Electronic resource]: URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/847279258.pdf (date of access: 05.01.2026).

Shershenevich G.F. (2017) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava*. Izbrannoe. Tom 5, vstup. slovo, sost. P.V.Krasheninnikov. Moskva: Statut [Electronic resource]: URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/shershenevich_gf_izbrannoe_t5/ (date of access: 05.01.2026).

Busakova F., Sagynbekova G.M. (2024) Dogovornye obyazatel'stva v Kazahstane i ih osobennosti v sovremennom prave. *Vestnik nauki,* 3(72), 5, 3-5 [Electronic resource]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dogovornye-obyazatelstva-v-kazahstane-i-ih-osobennosti-dogovornyh-obyazatelstv-v-sovremennom-prave (date of access: 26.01.2026).

Sulejmenov M.K. (2008) Dogovor v grazhdanskom prave: problemy teorii i praktiki. *IS Paragraf* [Electronic resource]: URL: https://online.zakon.kz (date of access: 06.01.2026).

Didenko A.G. (2019) *Izbrannoe.* Sost. E.V.Nesterova. Moskva: Statut, 608 [Electronic resource]: URL: https://znanium.ru/catalog/document?id=352740 (date of access: 25.01.2026).

Majorova L.G. (2021) Pravovye posledstviya narusheniya dogovornogo obyazatel'stva. *Yuridicheskaya nauka*, 12, 33-38 [Electronic resource]: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-posledstviya-narusheniya-dogovornogo-obyazatelstva (date of access: 26.01.2026).

Zakon RK (2005) O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazahstan po voprosam nedropol'zovaniya i provedeniya neftyanyh operacij v Respublike Kazahstan: *Zakon Respubliki Kazahstan*, 14 oktyabrya, 79-III [Electronic resource]: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000079 (date of access: 16.01.2026).

Talibova, L. (2024) The Purpose of the Principle of "Good Faith" in Civil Legislation and Judicial Practice of the Republic of Azerbaijan. *Baku State University Law Review*, 10(2), 4-8 [Electronic resource]: URL: https://bsulawreview.org/wp-content/uploads/2024/09/10BSULawRev2.2.pdf (date of access: 02.04.2026).

Kainazarova, D.B. (2025) The Institution of Good Faith in Civil Law. *Bulletin of the Academy of Law Enforcement Agencies*, 4(38), 65-66 [Electronic resource]: URL: https://vestnikacademy.kz/?p=3144&lang=ru (date of access: 02.04.2026).

Құқықтық салдарсыз шарт: Қазақстан Республикасындағы жарамсыз мәмілелер салдары және азаматтық құқықтарды іске асыру мәселелері

[1]И.Н.Каирбекова, [1]С.М.Иманбаев
[1]Астана халықаралық университеті (Астана, Қазақстан)

Аңдатпа
Мақала Қазақстан Республикасы азаматтық құқығының заманауи негізгі мәселелерінің бірі – мәмілелердің жарамсыздығы және оның құқықтық салдарлары туралы нормаларды қолдану нәтижесінде туындайтын «құқықтық салдарсыз шарт» феноменін зерттеуге арналған. Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексінде бекітілген екіжақты реституцияның классикалық моделі талданады, оған сәйкес жарамсыз мәміле заңдық салдар туғызбайды, ал ол бойынша алынғанның барлығы қайтарылуға тиіс. Көрсетілген модельді формалды түрде қолдану, тараптардың бастапқы жағдайын абстрактілі қалпына келтіруге бағытталғанымен, қазіргі мүліктік айналым жағдайында азаматтық құқықтарды тиімді жүзеге асыруға кедергі келтіретін жүйелік қайшылықтарды туындататыны дәлелденеді. Зерттеу нәтижесінде «құқықтық салдарсыз шарт» институты тәжірибеде адалдық (жақсы ниет) қағидатымен жиі қайшылыққа түсетіні, адал иеленушілер мен коммерциялық қатынастарға қатысушылардың құқықтарын тиісті деңгейде қорғамайтыны, сондай-ақ құқықты теріс пайдалануға заңды мүмкіндіктер туғызатыны анықталды. Бұл тараптарға экономикалық тұрғыдан тиімсіз, бірақ толық немесе ішінара орындалған шарттарды орындаудан жалтаруға мүмкіндік береді. Жұмыста шетелдік құқықтық жүйелерде қалыптасқан мәмілелердің жарамсыздығы салдарын айқындаудың баламалы тәсілдеріне салыстырмалы-құқықтық талдау жүргізіледі. Осы негізде қазақстандық құқықтағы аталған институтты тұжырымдамалық тұрғыдан реформалау қажеттілігі негізделеді, атап айтқанда формалды жарамсыз деп тану моделінен («құқықтық салдарсыз шарт») қалпына келтіруші және теңгеруші әділеттілік, пропорционалдылық және адал мінез-құлықты басым қорғау қағидаттарына негізделген материалдық модельге көшу ұсынылады. «Құқықтық салдарсыз шарт» мәселесін еңсеруге, азаматтық айналымның тұрақтылығы мен болжамдылығын арттыруға, сондай-ақ азаматтық құқықтарды кедергісіз жүзеге асыруды қамтамасыз етуге бағытталған заңнаманы және құқық қолдану практикасын жетілдіру жөніндегі нақты ұсынымдар тұжырымдалған.
Түйінді сөздер: мәміленің жарамсыздығы, құқықтық салдарсыз шарт, екіжақты реституция, жарамсыздық салдары, адалдық қағидаты, құқықты теріс пайдалану, адал иеленуші, азаматтық айналым, азаматтық құқықтарды қорғау, азаматтық құқықты реформалау, Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі.

Contract without legal consequences: problems of the consequences of invalid transactions and the exercise of Civil Rights in the Republic of Kazakhstan

[1]I.N.Kairbekova, [1]S.M.Imanbayev
[1]Astana International University (Astana, Kazakhstan)

Abstract
The article examines a key problem of modern civil law of the Republic of Kazakhstan - the phenomenon of the "contract without legal consequences", which arises from the application of legal rules governing the invalidity of transactions and the consequences thereof. The paper analyzes the classical model of bilateral restitution established in the Civil Code of the Republic of Kazakhstan, under which an invalid transaction is deemed not to produce legal consequences and everything received under such transaction is subject to return. It is argued that the dogmatic application of this model, aimed at abstract restoration of the parties' original position, generates systemic contradictions in the conditions of modern property turnover and impedes the

effective exercise of civil rights. It is established that, in practice, the institution of the “contract without legal consequences” often conflicts with the principle of good faith, fails to ensure adequate protection of bona fide purchasers and participants in commercial relations, and creates legal opportunities for abuse of rights by allowing parties to evade performance of economically disadvantageous contracts that have already been partially or fully executed. The article provides a comparative legal analysis of alternative approaches to determining the consequences of invalid transactions developed in foreign legal systems. On this basis, the need for conceptual reform of the relevant legal institution in Kazakh law is substantiated - a transition from the formal annulment model (“contract without legal consequences”) to a substantive model based on the principles of corrective and balancing justice, proportionality, and priority protection of good faith conduct. Specific recommendations are formulated for improving legislation and law enforcement practice aimed at overcoming the problem of the “contract without legal consequences”, increasing predictability and stability of civil circulation, and ensuring the unobstructed exercise of civil rights.
Keywords: invalidity of transaction, contract without legal consequences, bilateral restitution, consequences of invalidity, principle of good faith, abuse of rights, bona fide purchaser, civil circulation, protection of civil rights, civil law reform, Civil Code of the Republic of Kazakhstan.

Поступила в редакцию: 12.02.2026
Одобрена: 08.04.2026
Первая публикация на сайте: 16.06.2026

МРНТИ: 16.21.49 https://doi.org/10.65247/3105-3432-2026-2.13

ҚЫТАЙ ТІЛІНДЕГІ “口, 嘴 - АУЫЗ” ЖӘНЕ АҒЫЛШЫН ТІЛІНДЕГІ “MOUTH” СӨЗДЕРІНЕ БАЙЛАНЫСТЫ ТҰРАҚТЫ ТІРКЕСТЕРДІҢ МЕТАФОРАЛЫҚ ЖӘНЕ МЕТОНИМИЯЛЫҚ ҚОЛДАНЫЛУЫН САЛЫСТЫРА ТАЛДАУ

*[1]*К.ТОКТАРБЕК*, [1]*Н.З.ЖУМАНБЕКОВА*, [2]*Ч.С.ТУЛЕЕВА*
[1]*Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан)*
[2]*И.Арабаев атындағы Қырғыз мемлекеттік университеті (Бишкек, Қырғызстан)*
*kaniya823@gmail.com, zhumanbekova_nz@enu.kz, reinasmom77@gmail.com

Аңдатпа
Ағылшын тіліндегі *“mouth”* және қытай тіліндегі *“口- kǒu, 嘴 – zuǐ - ауыз”* сөздері метафоралық және метонимиялық қолданылуында негізділікке ие. Екеуі де ауыздың пішіні, функциясы және әрекет ету тәсілдерін негіз етіп алады. Метонимиялық тұрғыдан қарағанда, бұл сөздер бір танымдық доменде бірдей ауыстыру қатынасын көрсеткенімен, әрқайсысының өзіндік ерекшелігі бар. Метафоралық тұрғыдан алғанда, бұл сөздер пішін/заттар, эмоция/құлық, әлеуметтік қатынас және мінез-құлық домендеріне проекциялана алады, ал қытай тіліндегі *“口 - kǒu, 嘴 - zuǐ - ауыз”* сонымен қатар білім/интеллект доменіне де проекциялануы мүмкін. Қытай тіліндегі бұл сөздердің проекциясы кең және өнімділігі жоғары, бұл ағылшын және қытай тілдерінің танымдық және тілдік ерекшеліктеріне байланысты. Танымдық домен тұрғысынан, бұл сөздердің метафоралық проекциясы “*以身喻心 - yǐ shēn yù xīn* - дене арқылы ой мен сезімді бейнелеу” және “*以身喻身 - yǐ shēn yù shēn* - дене арқылы денені бейнелеу” тәсілдерімен көрсетіледі. Мақалада ағылшын және қытай тілдеріндегі «ауыз» ұғымына байланысты тұрақты тіркестер тура және ауыспалы мағынасымен қарастырылып, метафоралық және метонимиялық қолданыстары салыстырыла талданады.
Түйін сөздер: салыстырмалы талдау, метафора, метонимия, тура және ауыспалы мағына, тұрақты тіркестер, *“口 - kǒu, 嘴 – zuǐ - ауыз”*, “mouth”.

Кіріспе

Қытай тіліндегі *“口 - kǒu, 嘴 - zuǐ - ауыз”* және ағылшын тіліндегі *“mouth”* сөздері метафоралық және метонимиялық тұрғыдан уәжді болып келеді, яғни олар ауыздың пішініне, қызметіне және әрекет ету тәсіліне негізделген. Метонимия тұрғысынан қарағанда, бұл екі тілдегі сөздер бір когнитивтік домен аясында ұқсас алмастыру қатынастарын көрсетумен қатар, өзіндік ерекшеліктерге де ие.